

До смерти, к счастью, не дошло. Одному из мальчишек проломили голову — крови натекло немало. Императорский лекарь осмотрел пострадавшего, перевязал рану и напоил снадобьями, однако так и не смог сказать наверняка, не повреждён ли мозг. Всё прояснится только тогда, когда тот придёт в себя.

Император вышел из кабинета мрачнее тучи. Все принцы, участвовавшие в потасовке, стояли на коленях, сжавшись в комок, словно напуганные перепёлки.

Тринадцатого принца и Кон Цзяцзы, которых в самый разгар драки на месте не оказалось, чаша сия миновала — стоять на коленях им не пришлось.

Младший наставник Ван, дрожа за собственную голову, обеспечил Тринадцатому принцу безупречное алиби. Он без утайки выложил государю всё о своей встрече с Его Высочеством, в точности повторив сочинённую мальчиком историю. Все прежние корыстные замыслы наставника рассыпались в прах: при таком обороте дел речь шла уже не о сохранении тёплого местечка, а о том, удастся ли вообще сберечь голову на плечах.

После ухода Му Юаньюна противостояние двух лагерей достигло точки кипения. Дрались яростно, не брезгуя грязными приёмами, так что у большинства коленопреклонённых принцев теперь красовались ссадины и синяки на лицах. Но даже сейчас, под суровым взглядом отца-императора, они продолжали испепелять друг друга ненавидящими взглядами. Стоило государю задать вопрос, как они принимались наперебой тыкать пальцами во врагов, упрямо твердя, что первыми начали именно те.

О зачинщике же — Тринадцатом принце — все временно позабыли. Жалкий, обделённый отцовским вниманием, лишенный поддержки выскочка мог подождать — с ним они расквитаются позже. Сейчас куда важнее было втоптать в грязь злейших соперников.

Император помрачнел от гнева:

— Докатились! И ведь ни у кого ни капли раскаяния! Я заставлял вас зубрить каноны, учил мудрости и благонравия, а вы освоили лишь одно — как проламывать друг другу черепа чернильными камнями! Будете стоять здесь на коленях до тех пор, пока до ваших тупых голов не дойдёт вся тяжесть вашей вины!

Повернувшись к застывшему наставнику, государь ледяным тоном спросил:

— Отвечай в последний раз: ты действительно ничего не знал о происходящем?

Несчастный распластался на полу, обливаясь холодным потом:

— Ваше Величество... я... пощадите...

Договорить ему не дали. Император подозвал Восьмого принца. Тот обычно держался в тени, в общих сварах не участвовал, но благодаря природной изворотливости умел ладить со всеми. Ни Третий, ни Пятый принцы не могли придраться к его поведению, так что среди бушующих дворцовых группировок он оставался редким нейтральным лицом. Вызвав его, государь явно намеревался вывести правду.

Едва склонившись в поклоне, Восьмой принц без лишних предисловий доложил:

— Отец, Третий и Пятый старшие братья давно соперничают между собой, соперничают во всём. Сначала мерились успехами в учёбе, потом — искусством верховой езды и стрельбы из лука, а после принялись соревноваться, у кого больше прихвостней. Они втянули в свои распри почти всех младших братьев. Потасовки едва не вспыхивали уже не раз...

— Достаточно, — оборвал его император и вновь уставился на наставника. — Ну так что? Всё ещё будешь утверждать, будто ведать не ведал?

Ван Шаофу в ужасе прижался лбом к полу:

— Пощадите, Ваше Величество! Смилуйтесь!

Глиняный чайник со звоном полетел со стола, разлетевшись на мелкие осколки.

— Смиловаться?! — взревел император, давая волю ярости. — Ты, наставник наследников престола, вместо преподавания законов морали и искусства управления государством потворствовал их грызне и сколачиванию банд! Твоя халатность перешла все границы, и ты смеешь просить о прощении?!

Он посмотрел на дрожащего от страха чиновника:

— Тебя и тысячи казней мало, чтобы искупить этот позор. Спрашиваю в последний раз: ты знал?

Наставник еще ниже прижался лбом к полу:

— Знал... ваш ничтожный слуга всё знал.

Му Юаньюн весело вышагивал впереди. Заложив руки за спину, он то и дело запрыгивал на придорожные валуны и спрыгивал обратно, дурачась как обычный ребёнок. Кон Цзяцзы шёл следом, не спуская с него глаз — не дай бог, этот неугомонный принц оступится и расшибётся.

Почти всех евнухов, сопровождавших прочих принцев, сурово наказали, однако ему благодаря Тринадцатому принцу удалось избежать кары. Секрет спасения оказался прост до безобразия — он просто непрерывно выл. Стоило его плачу хоть немного утихнуть, как Его Высочество тут же подавал ему тайные знаки, а наставник-эльф 311 в голове принимался истошно требовать продолжения истерики. К концу этого представления Кон Цзяцзы начисто сорвал голос, зато уберёг собственную шкуру.

«Я же говорила! — радостно запищала в его сознании 311, условно всплеснув ладошками. — Он точно станет императором! Кон Цзяцзы, мы ухватили удачу за хвост, это же золотая жила!»

«И ты тоже замолчи», — мысленно огрызнулся тот.

Пытаясь утихомирить сразу двух безумцев, он чувствовал, что силы стремительно покидают его.

«Каким он видит меня? — с тревогой думал Кон Цзяцзы. — Преданным и всеильным соратником или жестоким, беспринципным интриганом, готовым на всё? Что, если я оступлюсь и всё испорчу?»

Пока евнух предавался мрачным думам, Му Юаньюн так и лучился восторгом. Спрыгнув с очередного камня прямо к слуге, он хвастливо прищурился:

— Ну что, Кон Цзяцзы, каков я был? Как я тот стул швырнул, а? Эффектно вышло?

Евнух лишь тяжело вздохнул. Помолчав немного, он всё же решился озвучить наставление:

— Господин, умоляю, не делайте так больше. А если бы вы поранились? Вдруг осколок какой...

Му Юаньюн пренебрежительно махнул рукой:

— Да брось ты! Этот сопляк в прошлой жизни житья мне не давал. А когда я наконец вошёл в силу и решил с ним поквитаться, он, подлец, умудрился сдохнуть раньше времени. Обидно было — словами не передать! Кто же знал, что судьба подкинет мне второй шанс? Вот тебе и доказательство: сколько верёвочке ни виться, а конец будет.

— Господин, побойтесь бога, выбирайте выражения, — умоляюще прошептал Кон Цзяцзы.

Где это видано, чтобы член императорской семьи выражался как базарный зазывала?

— Эх, знал бы ты, скольким советникам я съёс головы за эти твои «выбирайте выражения», — усмехнулся Му Юаньюн, хитро прищурившись. — Да ладно, так и быть. Сегодня у меня прекрасное настроение, посему дарю тебе жизнь.

«Вы сейчас вовсе не император, — обречённо подумал слуга, — так зачем же величать себя державным словом?»

Кон Цзяцзы лишь вздохнул:

— Господин, будьте благоразумны.

Му Юаньюн бесцеремонно приобнял его за плечи:

— Кончай занудствовать со своими предупреждениями. Сегодня великий день, и его нужно отпраздновать как следует. Знаешь, чего в этом проклятом дворце больше всего? Грязных тайн, скрытых во тьме. Идём, я покажу тебе настоящее представление.

Не дав слуге опомниться, принц потащил его за собой, увлекая в глубь Императорского сада. Они пробирались сквозь заросли, стараясь не привлекать внимания патрулей.

Пока евнух гадал, куда именно они направляются, обладающая бурной фантазией 311 уже успела нарисовать в его голове леденящие душу картины кровавой расправы и избавления от улик. Реальность, однако, оказалась куда прозаичнее. Затаившись в укрытии, они увидели мужчину и женщину. Те шли под ручку, весело перешёптываясь и кокетничая, пока наконец не скрылись в тени раскидистого каменного грота. Спустя мгновение оттуда донеслись весьма недвусмысленные вздохи и шёпот.

Кон Цзяцзы онемел. Он даже не знал, какую мину состроить. С чего вдруг венценосный отпрыск потащил его, скромного слугу, подслушивать чужие любовные утехи? И это он называет «представлением»?

Глядя на горящие азартом глаза принца и слушая мысленное причмокивание системы, Кон Цзяцзы всерьёз засомневался, всё ли в порядке с рассудком у его спутников. Или это с ним самим что-то не так?

Му Юаньюн ткнул ему в губы кусок сладкого пирожного. Всё было продумано заранее: по пути сюда они умудрились забежать во дворец Биюань, переодеться в сухое и прихватить с собой целый узел со сладостями, орехами и тыквенными семечками.

— Тсс! — принц приложил палец к губам, призывая к молчанию. — Сейчас начнётся самое интересное...

В полумраке он смотрел с диким восторгом хищника, затаившегося в ожидании, пока жертва сама угодит в капкан.

— Кто здесь?! — вдруг раздался звонкий юношеский голос со стороны тропинки. — А ну выметайтесь! Нашли место для своих блудливых утех!

На сцене появился третий актёр.

<http://bllate.org/book/18226/1752961>